

Томский театр поставил к 100-летию со дня рождения К. С. Станиславского пьесу А. М. Горького «На дне». Получив путовку в жизнь со сцены Московского Художественного театра, она обошла многие театры мира.

Обращаясь к этому горьковскому произведению сегодня, советский театр, как правило, опирается на традиции МХАТа, сумевшего с глубокой проникновенностью донести до зрителей пафос социального обличения капиталистического общества, которое калечит людей, сбрасывает их на самое дно жизни.

Давая всестороннее изображение жизни и быта обездоленных париев капиталистического «дна», Горький приводил современников к выводу о том, что общество, построенное на бесправии одних и праве других обогащаться, властвовать за счет угнетенных, общество, раздираемое классовыми противоречиями, не может существовать долго. Революционная направленность пьесы заключалась в том, что она звала к уничтожению этого общества, получившего почти символическое выражение в ночлежке Костылева.

В пьесе поставлен вопрос о путях, ведущих к человеческому счастью, о пассивно-анархического неприятия социальному злу. «Философия» утешительной лжи, проповедуемой Луком, противопоставлена вере в человека, который создаст лучшую жизнь и утвердит правду на земле. «Правда — бог свободного человека, — говорит Сатин. — Человек — вот правда! Все — в человеке, все для человека!.. Человечество! Это — великолепно! Это звучит... гордо!».

Говоря о постановке пьесы «На дне» на сцене нашего театра (постановщик заслуженный деятель искусства Удмуртской АССР С. А. Гляздер), нужно отметить большую изумительную работу режиссера и всего творческого коллектива, захва-

того в спектакле. Радуют правильное прочтение горьковского произведения, интересная, правдивая игра большинства актеров.

В спектакле правильно понят и передан трагизм опустившихся на «дно» жизни обитателей ночлежки и сделан совершенно необходимый и важный акцент на том, что персонажи «дна» — люди, достойные совсем иной участи, но выброшенные из жизни в силу условий, царящих в капиталистическом обществе.

Это является, в сущности, определяющим для трактовки большинства персонажей спектакля. Вот слесарь Клещ (артист М. П. Пискарев). Он с отчаянным упорством пытается вырваться из трясины нищеты, с каждым днем все больше и больше засасывающей его. Он верит, что труд, только усердный и честный труд выведет его из мрачного подвала. Но случайные и мелкие заказы приносят ему гроши. Их не хватило даже на похороны жены, пришлось продать весь инструмент. Рухнула навсегда надежда на то, что жизнь может измениться.

Артист с большой внутренней силой передает отчаяние, а затем примирение слесаря с несправедливостью окружающего его мира. Остывший, не знающий, куда девать руки, еще недавно занятые трудом, подавленный горем, — таким предстает перед нами Клещ в третьем действии. Какие-то тяжелые мысли бродят в его голове. От этих невеселых дум его отрывает брошенная Наташей в разговоре с обитателями ночлежки фраза о том, что жить на свете всем плохо. Безучастный до этого, Клещ злобно протестует, считая, что богатым живется неплохо.

Накипело на душе Клеща, но еще не прорвалось в полную силу. Это произойдет позднее, когда он окончательно поймет безысходность своей доли. Гнетущая боль прозвучит в его крике, полном страдания: «Работы нет... сил нет! Вот — правда! Пристанца... пристанища нету! Надыхать надо...».

Эта сцена хорошо, психологически верно сыграла Пискарев; она является кульминационной в развитии образа Клеща. Смысл ее в том, что Клещ и подобные ему способны только на такой стихийный и бессильный протест. Они еще не знают пути, которым надо идти, — пути классовой

борьбы. Поэтому примирение Клеща с босяцкой жизнью в финале спектакля вполне закономерно.

Почти у всех жителей ночлежки есть какой-то призрачный лучик, к которому они тянутся и который скрашивает их жалкое существование. Таким призрачным лучиком, например, у Настя является ее вера в необыкновенную, большую любовь, о которой она вычитала из книжки. Только во время разговора об этой вымышленной любви лицо ее, опухшее от нездоровой, тяжелой жизни, оживает и светлеет. Остальное время — на нем печать глухой, отчаянной тоски. Такой мы увидели Настю в исполнении артистки Е. И. Сердюковой. Вторая исполнительница этой роли Н. С. Надеждина подчеркивает в Насте ее мрачную озлобленность за неудавшуюся жизнь.

Сестра хозяйки ночлежки Наташа, ставшая чуть ли не полукрепостной служанкой в семье своих жестоких родственников, мечтает о чем-то необыкновенном, что может вдруг сразу переменить ее жизнь. Исполнительница этой роли И. П. Кузьменко показывает, что ее героиня, сумевшая еще сохранить среди грязи, окружающей ее, нравственную чистоту, честность, сострадание к людям, предчувствует, что в будущем ее ждет судьба, близкая к той, которую влечет сейчас другие обитатели «дна». Это актриса хорошо передает в эпизоде рассказа Наташи о ее мечтах: «...Жду... А так... на самом деле — чего можно ждать?».

Присутствующий при этом Барон (заслуженный артист РСФСР А. В. Ратомский) с усмешкой бросает реплику:

— Нечего ждать... Я — ничего не жду! Все уже... было! Прошло... кончено!...

Артист создает колоритную фигуру «обломка прошлого», показывая, насколько жалко и нелепо выглядят его «аристократические» манеры в положении полунинного. Барон давно не верит, что когда-нибудь для него настанут лучшие времена. Да, все прошло и кончено! И тем не менее, как алкоголик с водкой, он не может расстаться с этим прошлым. Воспоминания о былом богатстве на какой-то миг уносят его в другой — призрачный мир.

(Окончание на 4-й стр.).

на которые можно сегодня кутить, — хорошо, завтра их не будет — плохо.

Хорошо, убедительно артист показал, как среда вытравива в Бубнове чувство сострадания к людям. Долго мучилась больная Анна, но вот умерла. Бубнов считает, что это и к лучшему: «Башля перестала, значит», — равнодушно резюмирует он.

Запоминающийся образ мелкого хищника-паразита создал артист В. И. Красинский (содержатель ночлежки Костылев). Актер показывает, как жадность, страсть к деньгам отражаются и на внешнем облике человека. У его Костылева сутливно-крадущаяся походка, цепкий взгляд коршуна-стервятника, в речи — лицемерный елей.

Его жена Василиса — еще более жадная, властная, способная ради богатства на преступление. Артистка Н. В. Крылова показывает это вполне убедительно, особенно в сцене разговора Василисы с Васькой, когда та подбивает его на убийство мужа. Второй исполнительницей Р. А. Олейник пока облик Василисы обрисован слишком эскизно, приблизительно.

Довольно интересно, в остро характерной манере сыграл роль полицейского Медведова В. И. Мотренко.

Хорошее впечатление оставляет игра актеров в небольших ролях — торговки Квашни (А. И. Мрыхина), Анны (А. С. Лагутова), Татарины (С. Б. Милоков), Кривого Зоба (Н. П. Козловский), сапожника Алешки (В. Н. Богданов).

Декорации, выполненные заслуженным художником РСФСР С. С. Постниковым, воссоздают картину одного из мрачных углов, в которых влачилось существование обездоленные самодержавной России.

Спектакль «На дне» по культуре постановки, по актерскому ансамблю — безусловно удачная работа театра.

Г. ПАЗДНИКОВ.